

ANNA VILSON

МОРОЗ ДА МАРЬЯ.
СКАЗКА ДЛЯ
ЗАМЁРЗШИХ

Anna Vilson

Мороз да Марья.

Сказка для замёрзших

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72862082

SelfPub; 2025

Аннотация

Жил-был Мороз.

Стерёг зимы, считал вьюги, следил, чтобы ни одна лужа без корочки ледяной не осталась.

И ладно всё было, доколе девица смертная, в свадебный наряд одетая, зиму его не расколола да силу из него не вытянула. Невеста, сбежавшая от одной беды, сразу угодила в другую. Мог Мороз в лёд её превратить на месте за дерзость эту, но не решился. Вон она какая! Звонкая, круглолицая, с косами чёрными, с глазищами-блюдцами, с руками тонкими, со станом стройным. И как смотрит! За это не только зиму отдать можно!

Вот только беда! Не наступит зима, пока они с силою не совладают и не вернут всё по местам.

Ох, и забава на голову Мороза свалилась! Век такого не видывал и ещё столько же хотел бы не встречать!

Не знает никто, чем обернётся для мира треснувшая стужа: бедой или тем, от чего и лёд и сердца по-новому зазвενят.

Anna Vilson

Мороз да Марья.

Сказка для замёрзших

Мороз да Марья. Сказка для замёрзших

Глава 1.

Жил-был Мороз.

Жил он там, где Лесограй тянулся от края до края, где Явь с Навью рядом шли. Мороз сторожил ту границу не первый век, а сколько их прошло, уже и сам не памятовал. Годы для него измерялись снежными зимами да метелями, выюгами да буранами колючими. И всякому было дело до него, а ему ни до кого дела не было, доколе Равновесие не страдало.

В тот день, в канун первого мороза, он вышел к своей заветной поляне. Сумерки густели между стволами, небо над Лесограем было низким да холодным, светилось белым, серебряным и синим сразу, точно кто-то разлил там краски. Посреди поляны возвышался Алатырь-камень, древний, шероховатый, поросший мхом, испещрённый знаками заговорёнными. Мороз знал на этом валуне каждый скол и рез, которые оставили руки тех, кто жил до всякой памяти.

Он всегда кланялся камню перед тем, как подойти. Высокий, прямой, в белоснежном кафтане до пят. Кафтан тот сшили давным-давно из тёплой шерсти северных зверей,

края оторочили серебряной нитью, и нить та светилась лёгким морозным сиянием, повторяла узоры инея на зимних окнах. Волосы у Мороза ниспадали на плечи белым потоком. Были они цвета первого снега, такими белыми, что ослепляли. Кожа его покрылась тонким льдом, а глаза сверкали синим светом. В них, если всмотреться, всегда отражалась луна, даже когда над миром висело обычное дневное небо.

Мороз шагнул туда, где сходились три лесные дороги. Воздух здесь звенел: каждый вдох отзывался во всём Лесограе, каждая снежинка ложилась в невидимую чашу Равновесия. Здесь никто не смел бывать. Поляна принадлежала одному хозяину.

Ладонь Мороза легла на шершавый бок Алатыря. Камень сразу откликнулся, и под грубой коркой пробежало сияние. Мороз прикрыл глаза. Лес вокруг замолк, синицы спрятались в кронах, и даже ветер замер.

Сила медленно полилась из камня. Мороз почувствовал, как холод окутывает всё его существо, как по жилам расходится новый, свежий запас зимы. Кожа стала ещё плотнее, неживая оболочка вокруг истинной сути крепла. Лёд сковал и укрепил его сердце, руки, взгляд. Из этого льда потом родятся первые узоры на стёклах, тонкий иней у берегов, посеребрённые крыши изб, белые поля.

Работы у Мороза в это время было много. Через несколько дней он отправит снежную бурю на Радеград. Всю ночь снег будет вихриться, заволакивать и покрывать всё вокруг.

А утром дети выбегут на улицу, начнут лепить снеговиков, взрослые же нацепят на себя тулупы да платки пуховые. Радеградцы ненавидели Лесограй и его жителей — считали их нечистью поганой, боялись лесов. Им и в голову не приходило, что нечисть эта дарит им осенние урожаи, летний зной, весеннюю капель и зимние катания на санях. Но ничуть не беспокоило это Мороза. Без людей ему жилось хорошо и спокойно, отратно. Он не ждал благодарности и брани не боялся, ведь люди приходят и уходят, а зима живёт своими законами.

Мороз беспокоился лишь о Равновесии. Пока он питался силой Алатыря, пока вовремя приходили холода, пока граница меж Явью и Навью оставалась крепкой, мир существовал. Стоило ему промахнуться по времени, ослабеть, опоздать, и нитки начинали путаться: весна запаздывала, лето поливало дождями непрерывными, осень пылала жаром. Поэтому Мороз сторожил свой срок точнее любого часового.

Холод уже наполнил его почти до краёв. Оставалось немного. Чуть ещё постоять у камня, снять ладони, порадоваться тяжёлой свежести, что поселилась в груди, и можно будет возвращаться в свои владения, растягивать невидимую сеть дорог, по которым пройдут стужа, снег и лёд.

Но лес неожиданно подал знак. Сначала это был тонкий, чужой звук, непривычный для этих мест: в стороне громко затрещала ветка, посыпалась хвоя. Мороз распахнул глаза. Слух у него остался таким же острым, каким был при жизни,

когда он ещё ходил обычным человеком да мёрз в промокших лаптях. С тех пор ухо привыкло ловить даже падение снежинки, не то что треск человеческих шагов.

Шаги приближались, торопливые, сбивчивые. К ним приешивалось тяжёлое, рваное пыхтение, словно человек бежал уже долгое время. Руки Мороза всё ещё лежали на камне. Отрывать ладони раньше времени он не решался. Сила продолжала течь, а любое резкое движение в середине такого потока всегда оборачивалось бедой. Камень не любил обрывов.

Из-за деревьев выскочила девушка.

Он почуял её раньше, чем она появилась на поляне, по запаху страха и ярости. А теперь видел воочию. Бело-красное платье в пол, искусно расшитое по подолу и рукавам плотными обережными узорами. Белая юбка внизу уже обтрепалась, стала серой от грязи, но работа мастерицы угадывалась даже издалека. Чёрные волосы были собраны в тугие косы, а голову украшал роскошный кокошник, усыпанный жемчугами. То был праздничный наряд. Свадебный. Такой шьют знатым девкам в Радеграде, когда ведут их под венец.

В руках она держала букет нареченной: ветви боярышника, шиповника, остролиста с красными ягодами. Всё колючее, цепкое, способное расцарапать. Такую связку собирают нарочно, чтобы сберечь девицу от нечисти.

Она забежала на поляну, постоянно беспокойно оглядываясь через плечо, словно выискивала глазами преследова-

теля.

Мороз не успел разглядеть её лица, потому что Лесограй напомнил, что чужаков он не щадит. Прямо перед Алатырём сквозь землю прорастал толстый корень старого дуба. Неудивительно, что девичья нога угодила точно туда, где корень вздымался выше всего. Она споткнулась, красные сапожки проехали по наледи, и, пытаясь удержать равновесие, девица подалась вперёд.

Мороз ощутил, как вся сила, что по капле входила в него, на миг замерла. Он попытался убрать ладони, но камень не отпустил. Где-то в глубине Алатыря оглушительно грохнуло, и поток силы пошёл быстрее.

А свадебное чудо уже летело прямо на него.

Девушка врезалась в него всем телом. Букет в её руке взметнулся, острые ветви полоснули по лицу Мороза. Шип вонзился в его кожу у самой скулы, и кожа треснула. Похож был тот треск на первый лёд, сковавший лужи. Боль прорезала щеку, по лицу прошла тонкая серебряная линия. Никакой крови, как у смертных, только струйка прозрачной воды.

Поток не удержался внутри. Сила рванула наружу через раскрывшуюся трещину. Мороз успел только удивиться. Холод, предназначенный для его сердца, ринулся вперёд. Девушка стояла совсем рядом, почти у самого камня. Его сила ударила в неё так, что она упала навзничь. Вокруг ослепительно вспыхнул серебряный свет. Поляна сделалась на миг белее полуденного неба. Воздух зазвенел, точно кто-то разбросал

вокруг тысячи стеклянных бусин.

Из-под красных сапожек девицы пополз иней. Трава вокруг Алатыря осеребрилась, корни дуба покрылись белой коркой. Букет, зажатый у неё в руках, вмиг замёрз: ягоды превратились в стекляшки, шипы – в прозрачные иглы. Она вскрикнула, опустилась на колени и вцепилась в грудь поверх вышитого наряда. Губы её побелели, лицо стало будто мраморным, сила, не принадлежавшая ей, билась внутри.

Мороз наконец оторвал ладони от камня. Алатырь потускнел, знаки на его боку погасли, теперь он походил на обыкновенный булыжник. В груди у Мороза было пусто. Потому что сила ушла. Он привычно попытался собрать себя изнутри, выровнять холод, укрепить оболочку и понял, что половина прежней мощи ему больше не откликается.

Оглядев поляну, он остановил взгляд на девице. Между ними невидимой нитью протянулся поток, и Мороз чувствовал чужое тело почти так же ясно, как своё. В её жилах текла его стужа, прожигала дороги для себя. Сердце... по-человечески билось, только каждый удар отдавался серебряной дрожью. Давно уже Мороз не знал настоящего биения сердца.

Он шагнул к ней, наклонился и, ухватив беглянку за плечи, поднял с колен. Слабость накатывала, а руки не слушались. Ему приходилось поднимать огромные ледяные глыбы, но эта шуплая девица показалась ему невероятно тяжёлой.

Она подняла взгляд. Глаза оказались тёмно-синими, глу-

бокими, тонкие ресницы отяжелели от инея. Морозу не понравилось, как она на него смотрит – никакого страха или хотя бы волнения. Только злость.

– Безрассудная девчонка! – он приблизился к её лицу, на щеке под трещиной снова вспыхнула боль. – Ты что натворила?! Жизнь тебе не дорога?! Камень тронула в самый час! Зиму переломила! Да ты знаешь, что я с тобой сейчас сделаю?!

Девушка дёрнулась, собралась было шагнуть назад, но тут же выпрямилась, снова сжала ледяной букет. Тот тут же рассыпался в её руках ледяной крошкой. Она посмотрела на осколки, на иней, на трещину на щеке у Мороза и, кажется, совсем не удивилась. Или ей было всё равно настолько, что она не боялась даже смерти.

– Сам ты виноват! – воскликнула она, гордо вскинув подбородок. – Понаставил тут своих камней да корней посреди дороги! Прямо под ноги лезут!

Мороз едва не расхохотался от такого ответа. За последние сто лет не нашлось ни одного смертного, который решился бы говорить с ним таким тоном. Большинство, едва встретившись с его взглядом, падали в снег и начинали обещать всё, что угодно, лишь бы пощадил. Он благоразумно решил, что девушка эта с головой не в ладах. «С приветом», – как говорят люди.

– Дороги обходят Алатырь стороной, – Мороз развернул её к трём тропам, что расходились от поляны и шли от кам-

ня. – Или это у вас, невест из Радеграда, новый ритуал? Я знал, конечно, что вы все суеверы, но чтобы девиц в чашу ссылать... Этим даже нечисть не шутит.

– Невесты из Радеграда бегут, куда глаза глядят, – девушка вырвалась от него, шагнула в сторону и тут же качнулась, иней под ногами хрустнул. – Когда их тащат к такому жениху, что и лешему впору ноги делать.

Девушка, с трудом устояв, прислонилась к стволу дуба. По лицу её было видно, что больно ей. Волна силы внутри неё билась, пытаясь совладать с телом, Мороз ощутил это как отголосок собственного сердцебиения. Земля вокруг неё снова посеребрилась.

Мороз давно уж так не злился. Он хорошо понял, что сотворила эта девка. Половина его силы, его стужи, его холода теперь жила в ней. В этой растяпе, которая не смотрит под ноги и осмеливается огрызаться. На его веку такого не бывало.

Вытянув перед собой ладонь, он сосредоточился и дернул невидимую нить, что связала его с девушкой. Попробовал призвать силу обратно. Стужа откликнулась, но неохотно, тяжело, не желала возвращаться к хозяину. Он ещё раз потянул, уже сильнее. Девушка при этом зашипела, схватилась за грудь, согнулась пополам.

– Ты что делаешь, окаянный?! Убить меня вздумал? Так становись в очередь! Батюшка мой и жених первыми мне голову с плеч снесут! Или всё же отправят под венец, что ещё

хуже!

Мороз ослабил хватку, отпустил силу, размышляя: сейчас её прибить, заморозить прямо на месте или подождать? А может отдать её обратно отцу, тот вмиг вразумит! Ишь, распоясались смертные! Но нить между ними осталась, не разорвать её. Стужа лютая на неё!

Сбежавшая невеста медленно выпрямилась, опустилась на поваленный ствол у края поляны. Несколько мгновений она просто смотрела на него, разглядывая белые волосы, льдистые глаза, кафтан.

– Ты... кто? – девица чуть наклонила голову, выдавая своё любопытство.

– Мороз, – ответил он сразу же и отметил неверие во взгляде её. Хороша девка, не из пугливых! Или просто слишком глупа, чтобы бояться.

– Мороз бывает в рассказах, – простодушно заявила она, болтая ногой в красном сапожке. – Старики у печи про такое рассказывают, когда детей спать укладывают.

– Старики редко врут, – он повёл плечом, проверяя, плотно ли сидит кафтан. – Это я вам окна расписываю, это я стужу и выюгу напускаю на град ваш, это я снежные шапки деревьям нахлобучиваю, это я сковываю реки льдом! Я – сама зима! Я держу равновесие, чтобы вы, людишки, не вымерли!

Долго молчала девица, задумчиво касаясь бережных знаков на платье. Даже Лесограй, казалось, ждал, поверит ли это странное дитя Радеграда. Ледяной ветер снова пронёсся

по поляне.

– А я Марья, – спокойно ответила она, и Мороз едва не поперхнулся от этой простоты. Ну чудо-девка! Ни дать ни взять!

– Имя твоё неинтересно мне! А вот то, что ты у мира зиму украла, любопытнее будет!

– Я... что? Зиму украла? Ты здесь, в своём лесу, совсем рассудка лишился? Зиму нельзя украсть! Она же просто... есть. Приходит каждый год в свой час.

– Это я её приношу! – Мороз приподнял бровь. – А ты разорвала мою силу! И полмира заодно! Посмотри на себя! Ты в лёд превращаешься, глупая!

Девушка посмотрела на собственные ладони и ойкнула. Кожа пока оставалась мягкой, но по краю пальцев проступил лёгкий серебряный блеск. Мороз наблюдал за ней и пытался сообразить, что делать дальше. Можно было оставить здесь, рассчитывая, что сила не выдержит её тела и сама вернётся к нему. Можно было попытаться вырвать стужу силой, пожертвовав её жизнью, но Алатырь такой цены не принял бы. Камень не любил пустых жертв. Да и Мороз тоже не любил. Даже дерзкие белки в лесу, что постоянно насмехались над ним, никогда не знали зла или боли от рук его.

Оставался один путь: взять беглянку с собой и притащить её к тем, кто способен переплести нити судьбы.

– Вставай, – Мороз шагнул ближе, кивнул в сторону лесной тропы. – Со мной пойдёшь!

Она вскочила и снова потёрла леденеющие медленно руки.

– Куда это ещё? – возмущённо воскликнула она. – Меня ищут, мне бежать надо подальше! Я свадьбу сорвала, жениха моего мерзкого огрела по морде гребнем костяным. Там сейчас мать плачет, отец по двору мечется. А ты хочешь, чтобы я по лесам ходила за первым встречным... кто ты там вообще? Духом? Если меня найдут, они меня выпотрошат!

– Если бы тебя выпотрошили, возможно, сила вернулась бы ко мне. Но пока не будем знакомиться с твоим внутренним миром, – Мороз усмехнулся и на мгновение стал похож на живого молодого мужчину, который шутит и умеет улыбаться, вот только трещина в щеке выглядела пугающе. – Вообще, я не худший собеседник. Поверь, встретить ты лешего, уж по лесу кругами бы бегала, да пути назад не нашла бы.

– Я никуда с тобой не пойду.

Он пожал плечами, не любил тратить речи на споры, разглагольствовать, тем более, с девками смертными. Подошёл вплотную, подхватил её под колени и под спину и поднял так, как поднимают мешок с мукой. В этот раз далось ему это легче. Марья ойкнула, заёрзала, стукнула кулаком ему по плечу.

– Пусти немедленно, ледяной самодур! Поставь на землю. Я сама пойду, куда надобно мне!

– Сейчас ты пойдёшь, куда надобно мне! – Мороз перехватил её повыше, чтобы не упала. – А будешь кулаками раз-

махивать, превратишься в глыбу раньше, чем дойдёшь! На это мне сил хватит! Нареченному твоему свезло, что ты сбегала от него. Теперь нормальную жену найдёт!

Не слушая больше её возмущений, Мороз повернулся спиной к Алатырю. Лесограй уступил ему дорогу. Ветки разошлись, тропа вытянулась меж стволов, ведя туда, где начиналась Навь и где обитали Суденицы-Хранительницы, что записывают на своих прядях и человеческие судьбы и судьбы зим да лет. Они только могли теперь помочь.

Мороз шёл и думал о том, что Лесограй не умеет выбирать подарки к Новому году. Просишь у мира тихое начало зимы, а получаешь на руки чужую невесту из Радеграда да расколотую пополам стужу.

Позади оказалась поляна с потускневшим Алатырём, ледяной россыпью осколков, обронённым букетом и трещиной в его вечном порядке. В этот день зима раскололась на две половины.

Силы в Морозе осталось немного. Для любого смертного это было бы невысказанным чудом, но он привык не знать усталости, не чувствовать боли в теле, не спотыкаться на каждом шагу. Он ощущал, что у него из груди вырвали часть сути. Девица на руках казалась тяжёлой, и он понимал, что это не тело её, а стужа, которой в ней быть не должно. Она была ещё тёплой, и тепло это раздражало его. Мороз не любил тёплое, живое. Ему больше нравилось говорить со снегом, с инеем, наслаждаться пронизывающим холодом. Через

невидимую нить Мороз отчётливо улавливал чужие чувства. Там была злая обида, отчаяние и тщательно скрытый страх. Значит, всё-таки боялась его?

Лес вокруг густел. Стволы становились выше, мох под ногами начинал светиться бледными искрами, тропа уходила от людских дорог. Морозу привычно было то место, где граница между Явью и Навью тоньше волоса.

Он шагнул вперёд.

Мир вокруг изменился сразу. Небесный свод потемнел, привычный свет ушёл. Над вершинами деревьев вспыхнули три круглых сияния. Одна луна белела у самого края, другая отливала чистым серебром выше, третья синела почти над макушками деревьев. Мох на корнях зажёгся зелёными огоньками, ветви покрылись инеем. Воздух стал густым, плотным, наполненным силой.

Марья шевельнулась у него на руках, напрягла плечи, голову повернула в сторону лун. Поток её чувств взвился новой волной.

– Где мы? – голос дрогнул у самого уха.

– В Нави. Ты не думай, обычно у нас одна луна, но сегодня день особый – первые морозы. Должны были быть, – Мороз не замедлил шаг. – Здесь мои владения. И таких, как я. Кощей Бессмертный хранит их, стережёт грань между мирами.

– Кощей... Бессмертный? – Марья от неожиданности аж подпрыгнула у него на руках. – Получается, это правда? А Баба Яга? Водяной?

– Не болтай! Я не на смотрины тебя сюда привёл. Вернём мне силу, и отправишься восвояси! Чтобы духу твоего здесь не было!

– Тоже мне тайны... Не очень-то и хотелось! – Марья вдруг ущипнула его за шею.

– Эй, юродивая! Ты, гляжу, хочешь к прашурам отправиться?

– Прости-прости! Просто хотела убедиться, что кожа у тебя не такая, как у нас... – Марья провела кончиком пальца по шее и щеке, от чего Мороз встрепенулся, отгоняя неожиданно накатившие ощущения, которые никак не мог объяснить.

– Ну? Убедилась? – голос его был хриплым, и он решил, что это точно от того, что силы лишился.

Она помолчала несколько мгновений, а потом ответила со смешком:

– Ты холодный, как сосулька! – а потом добавила тихо: – Навь... у нас старики говорят, туда души уходят, живым лучше не соваться.

– Души идут туда, куда Суденицы велят. Ты жива пока только потому, что им так пожелалось. Нет им дел до бед наших. Им только Равновесие важно.

Она дёрнулась у него на руках, пытаясь спуститься на землю, но Мороз только перехватил её.

– Благодарю, мне очень полегчало, морозный ты недотёпа. Пока я в платье свадебном, а не в саване. Но если меня отец отыщет, то никакие Суденицы не помогут!

Мороз невольно усмехнулся. Говорила девка складно, с огоньком, совсем не так, как другие смертные, которых он встречал.

Лес расступился. Впереди раскинулось круглое озеро, скованное льдом, в котором отражались все три луны. Ни единой снежинки, чистая прозрачная поверхность.

Мороз ступил на лёд уверенно, ни разу не поскользнулся.

– Как так? – спросила Марья. – Ведь не пришли морозы. Откуда же лёд? Да ещё такой крепкий?

– Это мой дом. Ему не нужен холод, чтобы быть льдом. В нём вся сущность моя. И если из-за тебя он растает, то лапы твоего жениха станут лучшим, что с тобой может случиться.

Посреди озера возвышался его терем. Стены сплелись из льда и белого камня, углы подпирали резные столбы, крыша тянулась к небу острыми коньками, по краю висели кисти огромных сосулек. Узкие высеченные проёмы служили окнами. Вокруг кольцом стояли ледяные деревья, ветви их звенели, как стекло.

Зубчатая дверь с глубокой резьбой отозвалась на шаг хозяина, створки медленно разошлись в стороны. Мороз нагнулся, чтобы не ударить Марью о притолоку, и вошёл внутрь. И лишь в сенях поставил её на пол. Ноги её сразу же разъехались на льду, она вцепилась в ближайшую ледяную колонну. Стужа внутри и снаружи пробирала до костей.

– Стоять умеешь – уже неплохо, – Мороз спокойно прошёл в горницу.

В зале всё светилося холодом. Стены изо льда пропускали сияние лун, по своду протянулись узоры инея, вдоль стен стояли лавки со шкурами, в углу – прозрачный стол, в центре горел очаг с белым пламенем. Но очаг тоже был ледяным.

Марья осторожно сделала несколько шагов, чуть не распластавшись на полу, и стала осматриваться.

– У тебя... тут странно, – заключила она. – Красиво и холодно. Как ты тут живёшь?

Мороз нахмурился.

– Терем обычный, – пробурчал он. – Жить в нём удобно, больше мне от дома ничего не нужно. Уж лучше, чем у вас в людских горницах с печами этими жаркими. И вообще, ты здесь ненадолго.

Мороз уж было решил, что девка-то успокоилась. Напрасно. Она как раз заметила приоткрытую дверь и кинулась было назад. Терем не стал терпеть выходки чужачки: створки сами сомкнулись прямо у неё перед лицом.

Марья сильно ударилась плечом, отскочила, затем навалилась на дверь всем телом и принялась лупить кулаками.

– Отворяй! – крик взлетел к своду. – Ты и вправду думаешь, что я помогать тебе стану?! Думал, притащил меня к себе, и всё готово?! Ты хуже разбойника, отворяй, пока сапогом в петли не заехала!

Дверь даже не заскрипела. Мороз замер посреди залы и скрестил руки на груди. Не каждый день на его горницу грозят напасть сапогом. Грохот понемногу стих, Марья отступи-

ла и изо всех сил топнула по льду ногой. Но в этот раз ей не удалось удержаться – она поскользнулась и шлёпнулась так громко, что стены отозвались эхом. Старался Мороз не рассмеяться. Честно старался. Но, глядя, как девица пытается подняться и снова падает, не смог сдержаться. Его хохот был таким же холодным и жутковатым, как он сам, но лицо снова оживилось и перестало быть таким суровым.

– Да, Марья. Я впечатлён! Как же ты сбежать умудрилась, если в собственных ногах путаешься? А сейчас молчи, не то язык заморожу! Посмотрим, как болтать будешь!

Наконец поднявшись, она прижалась спиной к створке, ладонью убрала с лица выбившуюся из косы прядь и устоялась на него так злобно, но Морозу вдруг захотелось уйти из-по этого взгляда.

– Ты меня похитил! Я со свадьбы поганой не для того бежала, чтобы в руки твои загребущие попасть! Не для того, чтобы в плену оказаться!

– Сегодня двое от тебя уже пострадали. Я и твой жених, – напомнил Мороз. – Так что кто-то из нас должен был отомстить.

Он шагнул ближе.

– Идти тебе всё равно некуда. Половина моей стужи в твоей крови. Попробуешь сбежать – разорвёт, сила разлетится по миру. Я эту силу веками собирал! Представляешь, что она с тобой сделает?

– Я ничего не брала, – Марья тоже шагнула ближе и даже

смогла удержать равновесие. – Ты как из-под земли вырос!

Инеевые узоры на потолке загорелись ярче, ледяные стены сомкнулись ещё плотнее.

– В тот час к Алатырю смертным дорога закрыта, – Мороз сощурился. – Переступила – получила. Неужели вам, глупцам, не рассказывают о таком?

Он вытянул руку и снова потянул невидимую нитку силы. Стужа в её теле дрогнула, окатив таким холодом, что Марья закашлялась и согнулась пополам.

– Прекрати, – зашипела она. – Очередь желающих меня извести и без тебя большая. Я просто бежала туда, куда они побоятся сунуться!

Мороз отпустил нитку. Сила успокоилась, холод немного отступил.

– Умно, ничего не скажешь, – он распрямился. – Вот только твои смертные делишки – ничто по сравнению с тем, что зима может и не наступить. А вместе с ней Новый год. Ты вообще понимаешь, чем это всё обернётся? Хотя... ты вряд ли это успеешь узнать.

Он кивнул на её ладони. Кончики пальцев уже покрыла тонкая серебристая корочка, ногти сверкнули ледяным светом.

– Смотри. Уже роспись пошла. Ты не протянешь долго. Не думай, что я сильно хочу тебе помогать, но смотреть на то, как ты разлетишься на осколки, не будет приятно, честно говоря.

Марья подняла руки, посмотрела внимательно и нервно откашлялась.

– Весёлая свадьба, – проворчала она. – Лучший день в жизни.

Она немного помедлила, потом осторожно шагнула к лавке у стены, села на шкуры.

– Ладно, ледяной самодур, – подняла на него глаза. – Раз уж так случилось, говори, что делать будем. Наверняка тебе не раз в опасности попадать приходилось. Куда уж мне, девице из Радеграда.

– Приходилось, – Мороз опустил на край шкуры у холодного очага. – Живу до сих пор, как видишь.

Белое пламя тихо плясало, трещина на его щеке болела и не затягивалась, как это всегда бывало. А значит, всё хуже, чем кажется. Без полной силы зима не придёт вовремя. Реки и озёра не замёрзнут. Звери и люди не подготовятся. Будет голод. Будут смерти. И всё это вина какой-то ненормальной девицы. Сила её убьёт за пару дней, если она раньше Морозу не надоест. Он не любил смертных: они шумные, ворчливые, требуют тепла, еды и внимания.

В этот миг в оконный проём врзалась тень. Ледяные узоры пошли рябью, в горнице раздался звук трепещущих крыльев. В окно влетел ворон, огромный, размером с крупную хищную птицу. Чёрные перья отливали сталью, на груди белело неровное пятно, как снег на чёрной земле. Мощный клюв, казалось, был способен расколоть камень.

Вещий. Мороз считал его другом, ведь познакомился с ним сотни лет назад, когда Ворон был ещё птенцом неразумным. Они пережили не одну зиму и не одну выюгу.

Марья вжалась в створку ещё сильнее. Она наверняка никогда не видала таких огромных воронов. Тот, будто в ответ на её мысли, громко каркнул и... заговорил:

– Кар-р-р! Вот это ты попал, Стуженный! Это же что надо сделать, чтобы половину зимы потерять?

Мороз поднялся со скамьи, из трещины на щеке сочилась вода. Взгляд его потяжелел, теперь он не выглядел живым.

– Знаю и без твоих карканий, Вещий.

Ворон нахохлился и затрепетал крыльями. Он подошёл к Марье так близко, что его клюв почти касался её лица, взгляд задержался на синеватых пальцах.

– Это ты, девица, постаралась? Как можно было сломать зиму? Даже нечисть лесная, что вечно нагадить хочет, не смогла! Сто лет такого не видел!

Едва заметно расправив плечи, Марья, наконец, сказала:

– Пожалуй, не буду спрашивать, почему ворон разговаривает...

– Вот и не спрашивай. Это сейчас не то, о чём тебе переживать надобно. Вот уж не думал, что у Стуженного в горнице будет девица в свадебном наряде расхаживать, – ворон перевёл взгляд на Мороза. – Так это, стало быть, твоя беда? Красивая, ладная! Вон, одета уже как положено.

Марья подалась вперёд.

– Я не беда, – возмущённо выпалила она. – И свадебное не для него предназначалось!

– Для мира Ладории ты беда. И Лесограй с нечистью да духами, и Радеград со смертными пострадают, – ворон слегка подпрыгнул на месте. – Так что платье потом наденешь, когда зиму вернёте.

Ворон каркнул уже веселее, хлопнул крыльями, слетел с лавки, взмыл на локоть вверх, снова опустился. Мороз подошёл ближе, лёд под ногами еле заметно скрипнул. Этого хватило, чтобы Ворон умолк, хотя в глазах по-прежнему плясали насмешливые огоньки.

– Вещий, – Мороз остановился напротив лавки и посмотрел на ворона так, что тот склонил голову. – Говори дело. Как исправить? Суденицы-Хранительницы?

Взгляд птицы тут же потемнел, стал тяжёлым, Ворон перевёл его с Мороза на Марью, снова на Мороза.

– Алатырь-камень – место силы великой, но легко ему навредить, – начал он тревожным голосом. – Ритуал прервался. Твоя ледяная кровь пролилась через трещину на лице. Девка была в обрядовом наряде. Свадебное платье само по себе магия древняя, сильнее многих заговоров. Оно соединяет судьбы, связывает жизни. Вот и соединило – её судьбу с твоей силой. Сила раскололась пополам: половина в тебе, половина в ней. Вы теперь как два кувшина, соединённые одной трубкой. Что в одном, то и в другом. Что с одним случится, то и с другим случится.

С каждым словом холод внутри Мороза сгущался. Он и без того состоял из стужи, но это ощущение отличалось от привычной зимней тяжести.

– Как разорвать связь? – спросил он прямо.

– Не ведаю того.

Тишина накрыла горницу. Холодное пламя в очаге всё так же мерцало, лёд всё так же светился изнутри, но всё вдруг стало другим. Мороз не сразу поверил услышанному, Ворон никогда не признавался в том, что бессилен.

– Ты – Вещий, – наконец проговорил он, глядя в чёрные глаза-бусинки. – Ты видишь будущее, знаешь прошлое.

– Да, вижу, – согласился Ворон. – Но не сейчас. Такого не бывало. Ни разу. За всю историю Лесограя, за все века, что я помню, никто не ломал ритуал у Алатыря твоим способом. Алатырь старше меня, старше тебя, старше нынешнего лесного люда. Можно спросить лишь у тех, кто старше самого бытия.

– У кого? Суденицы? Как найти их?

Ворон помедлил, словно прислушивался к чему-то невидимому.

– Прав ты. Только они помочь смогут. Есть одно место – капище Судениц-Хранительниц. Древнее, забытое. В самом сердце Лесограя, за тремя землями – через владения Анчутки, через реку Смородину, через тёмные урочища Вия. Там, на капище, можно призвать Судениц. Они древнее всех, мудрее всех, видели рождение Лесограя и Радеграда, всей Лад-

рии, держат нити судеб. Может, разорвут они связь, вернут тебе силу. Может... нет. Плату они берут всегда. И плата та порой бывает непомерной.

Мороз нахмурился, перебирая в памяти то, что слышал раньше. О капище говорили редко и всегда вполголоса. Никто не смел тревожить Судениц.

– Капище... я почти не слыхивал о нём, – Мороз постучал пальцами по ледяной стене.

– Мало кто знает, – кивнул Ворон. – Даже Кощей Бессмертный, Владыка Лесограя, не смеет их тревожить. Хотя, говорят, что он их и без капища призвать способен. Мудрый он, но жестокий. Чужих не любит, людей – тем более.

Имя Кощея знали все жители Лесограя. Мороз пару раз говорил с ним о зимах да снежных буранах. И тогда Морозу показалось, что совсем не его взгляд самый ледяной из всех ныне живущих.

– Путь неблизкий, – Мороз прикинул расстояние и свою нынешнюю слабость.

– Через три земли, да, – подтвердил Ворон. – Анчутка, Смородина, Вий. Каждая земля возьмёт своё. Но ты справлялся всегда. Ты Мороз, ты сильный. Ну... был сильный, пока эта девица силу не отобрала.

На последних словах Марья закатила глаза, но промолчала.

– Времени сколько у нас? – спросил Мороз коротко.

Ворон слегка приподнял голову, всматриваясь куда-то в

сторону.

– До Нового года, знамо дело. Несколько дней, не больше. Не успеешь, сила рассеется совсем. Половина в тебе испарится, половина в ней сторит. Вернее, вместе с ней. Зимы не будет, никакой. Равновесие рухнет. Явь и Навь размотают границу, духи полезут к людям, люди начнут видеть лишнее. Всё в Лесограе пойдёт кувырком. Если зима исчезнет, исчезнет и весь круг времён, который ты держал веками.

– Хорошо, – Мороз прошёлся по комнате, сцепив руки за спиной. – Пойдём к капищу. Призову Судениц. Они разорвут связь.

Ворон повернулся к Марье. Всё это время она стояла у двери, сжавшись, и не сводила глаз с говорящей птицы. Лицо её стало почти синим.

– И она пойдёт с тобой.

Марья оторвалась от двери, шагнула вперёд.

– Что?! Я?! С ним?! Да ни за что! Я не пойду! Я...

Ворон чуть наклонил голову в сторону и предупредительно поднял крыло:

– Без тебя он слаб. Половина его силы в тебе, он не дойдёт, упадёт по дороге, погибнет. А ты без него замёрзнешь за три дня. Ты же чувствуешь стужу, верно? Она будет сильнее с каждым часом, пока не сожрёт тебя изнутри, превратит в ледяную статую. Вы теперь связаны, и случись что – упадёте оба.

Мороз со своей стороны нити ясно ощущал, как боль

внутри неё нарастает, расползается по груди. Марья прижала ладонь сердцу.

– Навсегда? Я связана с ним навсегда?

Ворон вдруг расправил крылья и облетел вокруг залы, приземлившись прямо перед Марьей.

– Может, Суденицы разорвут связь. Может, вернут ему силу, а тебе свободу. Может. Но идти придётся вместе. Три земли. А потом... Будь что будет.

Встретился Мороз с девицей взглядом. Она раздражала его, шумела, говорила лишнее. Он привык к одиночеству, к стуже, к снегам и кристальной тишине.

Ворон же громко каркнул и, пожелав им счастливого пути, расправил крылья, одним мощным взмахом поднялся, проскользнул к окну и исчез в глубине Нави.

Марья прошла по ледяному полу, расставив руки в стороны, чтобы не упасть, и предупредила:

– Если попытаешься меня тронуть... Если попытаешься сделать что-то... Я убью тебя. Не знаю как, но убью. Мне терять нечего!

Мороз почувствовал через нить силу, закипающую в ней от ярости, и зло усмехнулся.

– Ты слишком много о себе думаешь. Мне ты не нужна. Совсем. Вообще. Если бы не сила, я бы заморозил тебя прямо у камня, – он развернулся и указал на ледяную дверь в самом углу. – Спать будешь там. Иди сейчас же!

Марья перевела взгляд на дверь, потом снова на него.

Затянула пояс потуже, развернулась и молча направилась к комнате.

Мороз остался один. Постоял, прислушиваясь к терему, к тихому перезвону ледяных узоров. Потом подошёл к окну, опустил на лавку. Лёд озера отражал три луны, лес вокруг был спокойным.

Пройти три земли с этой язвой было настоящим наказанием для его ледяного сердца. Только он никак не мог взять в толк: за что? Он был примерным духом зимы: летом не высовывался из своих владений, зимой работал так, что любой леший позавидовал бы. Снега, метели, толстые льды, зимние звери – всё было на нём. И ни разу он не попросил ничего для себя, ни разу не нарушил правила. И теперь из него утекает сила, которая прицепила его к смертной. Прекрасно!

Он сидел долго. В Нави во время первых морозов и перехода в зиму понятие ночи и утра размывалось: сумрак густел и редел, но не исчезал. Морозу сон не требовался, веками он обходился без отдыха. Однако сейчас веки просто закрывались, усталость накатывала волнами, и он прилёг на лавку, всего лишь на мгновение, и проспал до самого утра. Он слышал сквозь сон какие-то всхлипы, но так и не поднялся: не имел привычки вмешиваться, да и слов утешения у него давно уж не было. В конце концов, Марья сама беду на них накликала.

Когда рассвело, из комнаты послышалось шуршание, и Марья вышла в зал, всё ещё скользя по полу. Она выгляде-

ла измотанной. Лицо стало белым, на ресницах проступил иней. Свадебное платье смялось, подол был весь в серых разводах.

Мороз молча смотрел на неё. Плакала ли ночью? Или почудилось ему? Марья какое-то время тоже молчала, затем тихо спросила:

– Ты... ешь?

Вопрос показался ему странным, но он всё же ответил:

– Ем.

– А я думала, ты питаешься холодом. Или снегом. Или чем-то таким.

Уголок его губ чуть дрогнул.

– Холодом не наешься. Снег – та же вода. Садись. Ешь. Здесь у меня пара домовиков живёт, что холода не боится. Они по хозяйству справляются.

Он указал на стол. На толстом ледяном блоке стояли глиняные миски с кашей, чёрный хлеб, горшочек мёда, деревянные ложки.

Марья просто плюхнулась на лавку напротив, взяла ложку, повертела её в руках, потом всё же зачерпнула кашу.

Ели молча, сверля друг друга взглядами. Морозу казалось, что от её пылающих глаз трещина на его щеке становится ещё больше.

Наконец она не выдержала:

– А почему у тебя лицо... треснуло?

– Потому что букеты свадебные надо собирать из рома-

шек, васильков да сухоцветов, а не из палок острых да корявых. Вы, люди, и вправду думаете, что это нечисть от ворот отвадит? – Мороз перестал есть, отложил ложку и сжал кулаки. – Я не смертный, Марья. У меня не кровь, а вода. Кожа льдом покрыта. Это моя рана. Которая болит, между прочим!

Марья всмотрелась в серебряный след и смущённо опустила глаза.

– Сильно болит?

– Давай я тебе веткой щеку распорю, узнаешь, сильно или нет.

– Прости.

– Что?

Она подняла глаза, и Мороз неожиданно отметил, что они очень красивые, он не встречал таких никогда.

– Прости, – повторила. – Я правда не хотела. Я просто... бежала. Не смотрела. Не думала, что встречу кого-то так далеко. Мне надо было быстрее, чтобы не нашли.

Мороз внимательно поглядел на неё. Чёрные толстые косы, покрытые изморосью, круглое лицо, на котором ещё вчера играл румянец. Марья сейчас не ощущала внешнего холода, спокойно сидела на ледяной лавке, однако стужа разрывала её изнутри и росла, росла, росла; он чувствовал это через нить. Коротко кивнув, Мороз вернулся к каше. Марья тоже принялась за еду.

После трапезы он ушёл в дальнюю комнату, где держал

редкие вещи, и вернулся с охапкой одежды. Положил на стол толстую шерстяную рубаху, плотные штаны, меховые сапоги, плащ с капюшоном, кафтан.

Марья удивлённо моргнула:

– Откуда у тебя женская одежда? Неужели жена у тебя есть?

– Не мели чушь! Не женская это одежда, – отозвался он. – Просто тёплая. Но тебе подойдёт. Можешь поясом затянуть, подвернуть. Придумай что-то.

Она осторожно взяла рубаху, потрогала грубую ткань.

– А... моё платье?

– Свадебное оставишь здесь. Оно обрядовое, может связь усилить. Не нужно это. Да и не невеста ты теперь.

Марья скривилась, но спорить не стала. Унесла одежду в свою комнату и плотно закрыла дверь.

Вернулась через несколько минут. Белое роскошное платье она аккуратно свернула. На ней самой была сероватая рубаха навыпуск, штаны, высокие сапоги, тёплый кафтан, который практически волочился по земле. Волосы она стянула в одну тугую косу, поверх накинула плащ.

– Ну вот. Теперь точно я не невеста.

– И отлично, – буркнул Мороз, отворачиваясь к стене и стараясь скрыть усмешку. Но в покое его не оставили. За спиной прозвучало неуверенное:

– А как тебя зовут?

Он обернулся.

– Мороз. Я же сказал. Или у тебя память такая короткая?

– Нет, я имею в виду... имя. У тебя есть имя? Было когда-то?

Он задумался. В глубине памяти мелькнули какие-то тени, обрывки слов, лица давно забытых людей. Всё это рассыпалось снежной крошкой.

– Просто Мороз. И не надо об этом.

– Просто Мороз... – повторила Марья эхом и кивнула сама себе. – А ты всегда был таким ледяным?

– Всегда, – ответил он сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.